

МАРК ЛЕВИ

Похититель теней

Марк Леви

Похититель теней

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Похититель теней / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2010

ISBN 978-5-389-03822-6

Герой романа, меланхоличный мечтательный мальчик, обладает даром общаться с человеческими тенями и узнавать от них о прошлом их хозяев. Тени делятся с мальчиком тайнами, просят у него помощи, и постепенно он начинает понимать, что его способности можно использовать во благо – нужно только этого захотеть. Во взрослой жизни он, став врачом, не раз сталкивается с бедами и горем, однако дар, обретенный в детстве, по-прежнему ведет его, не позволяя потерять веру в мечту и любовь.

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-03822-6

© Леви М., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Часть I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марк Леви

Похититель теней

Marc Levy

Le voleur d'ombres

www.marcl Levy.info

© Éditions Robert Laffont / Susanna Lea Associates, 2010

© Хотинская Н., перевод на русский язык, 2011

© Дизайн обложки, Andrea Ruester / Shin Suzuki – Anyone – Anamaimages / Corbis

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство Иностранка®

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок пять языков и расходятся многомиллионными тиражами.

Посвящается Полине, Луи и Жоржу

*Тот, кто тень поймать хотел,
Счастья тень – того удел.*

Вильям Шекспир¹

В любви, знаешь ли, самое главное – воображение. Нужно, чтобы каждый придумывал другого со всею силой своего воображения, не

¹ Венецианский купец. Акт II, сцена 9. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

*уступая реальности ни пяди; и вот тогда, когда два воображения
встречаются... нет ничего прекраснее.*

Ромен Гари. Чародеи

Я боялся темноты, боялся силуэтов, которые колыхались в ступающих тенях, танцевали в складках гардин, на обоях спальни. Прошло время, они исчезли. Но мне достаточно вспомнить детство, и я снова вижу их, страшные, угрожающие.

Китайская пословица говорит, что воспитанный человек не наступит на тень своего соседа. Я не знал этого в тот день, когда пришел в новую школу. Мое детство жило там, в школьном дворе. Я гнал его прочь, хотел скорее стать взрослым, а оно крепко держало меня в этом тесном теле, слишком, на мой взгляд, маленьком.

«Все будет хорошо, вот увидишь...»

Первый день занятий. Я стоял, прислонившись к платану, и смотрел, как образуются группы. Ни к одной из них я не принадлежал. Для меня ни у кого не нашлось ни улыбки, ни дружеского похлопывания по плечу, ни единого знака радости от встречи после каникул, и рассказать было некому, как я их провел. Тем, кого переводили в другую школу, знакомо такое сентябрьское утро, когда силишься проглотить комок в горле и не знаешь, что ответить родителям на их «все будет хорошо». Как будто они что-нибудь помнят! Родители всё забыли, это не их вина, просто они состарились.

На галерее под навесом зазвенел звонок, ученики побежали строиться, учителя начали переключку. Нас было трое очкариков – немного. Я попал в класс шестой «С» и, как всегда, оказался самым маленьким. Надо же было додуматься родить меня в декабре! Папа и мама радовались, что я на полгода опережаю всех, для меня же начало каждого учебного года превращалось в пытку.

Быть самым маленьким в классе – это значит: вытирать доску, приносить мел, убирать маты в спортивном зале, складывать баскетбольные мячи в ряд на слишком высокую полку и, что всего хуже, на классных фотографиях сидеть одному в первом ряду по-турецки. Нет пределов унижению, когда учишься в школе.

Все это можно было бы пережить, но в шестом «С» был ученик по фамилии Маркес, гроза класса и полная противоположность мне.

Если я пошел в школу с опережением – к великой радости моих родителей, – то Маркес на два года отставал, а его родителям было на это плевать. Сын в школе чем-то занят, обедает в столовой, приходит под вечер, ну и слава богу.

Я носил очки, у Маркеса глаза были как у рыси. Я был на десять сантиметров ниже всех своих ровесников, Маркес на десять выше – понятно, какова была разница в росте между ним и мной; я ненавидел баскетбол, Маркесу же достаточно было чуть потянуться, чтобы положить мяч в корзину; я любил поэзию, он – спорт, не сказать, что это вещи несовместимые, но все же; я любил наблюдать за кузнечиками на стволах деревьев, а Маркес обожал их ловить и отрывать им крылышки.

Но были у нас две точки соприкосновения, а вообще-то скорее одна – Элизабет. Мы оба были в нее влюблены, а Элизабет ни меня, ни его в упор не замечала. Это могло бы сблизить нас с Маркесом, но дух соперничества оказался сильнее.

Элизабет не была самой красивой девочкой в школе, но далеко превосходила всех очарованием. Она по-особому завязывала волосы в хвост, движения ее были просты и грациозны, а ее улыбки хватало, чтобы озарить самые унылые осенние дни, когда дождь льет без продыху, ботинки хлюпают на мокром тротуаре и уличные фонари освещают темноту по дороге в школу и из школы, что утром, что вечером.

Мое детство жило там, бедное мое детство, в этом маленьком провинциальном городке, где я отчаянно и безнадежно ждал хотя бы взгляда от Элизабет, где я отчаянно и безнадежно ждал, когда же наконец вырасту.

Часть I

Одного дня хватило, чтобы Маркес меня невзлюбил. Одного-единственного дня, чтобы я совершил непоправимое. Наша учительница английского мадам Шеффер объясняла нам, что простой претерит обозначает действие давно прошедшее и не имеющее связи с настоящим, непродолжительное и легко привязываемое ко времени. Хорошенькое дело!

Закончив, мадам Шеффер указала пальцем на меня и попросила проиллюстрировать ее объяснение примером по моему выбору. Когда я сказал, что было бы здорово, будь учебный год в претерите, Элизабет звонко засмеялась. Моя шутка развеселила только нас с ней, из чего я заключил, что остальные одноклассники не поняли, что такое претерит в английском языке, Маркес же сделал другой вывод – что я обскакал его перед Элизабет. На всю оставшуюся четверть участь моя была решена. Начиная с этого понедельника, первого дня учебного года, а точнее с урока английского, мне предстояло жить в аду.

Я тотчас же схлопотал от мадам Шеффер наказание: в ближайшую субботу три часа убирать опавшие листья во дворе. Ненавижу осень!

Во вторник и в среду Маркес то и дело ставил мне подножки. Каждый раз, когда я растягивался на полу, упомянутый Маркес намеревался отставание в гонке за право больше всех смешить окружающих. Он даже вырвался на корпус вперед, но Элизабет не смеялась, и его жажда мести не была утолена.

В четверг Маркес прибавил обороты, и я перед уроком математики оказался заперт в своем шкафчике, куда он затолкал меня силой. Я сообщил код замка сторожу, который подметал раздевалку и услышал, как я барабаню в дверь. Чтобы не навлечь на себя еще большие неприятности, прослыш ябедой, я клятвенно заверил, что заперся сам, мол, играл в прятки. Сторож с любопытством спросил, как я ухитрился запереть замок изнутри, но я, сделав вид, будто не услышал вопроса, задал стрекача. На переключку я опоздал. Учитель математики продлил мое субботнее наказание еще на час.

Пятница была худшим днем за всю неделю. Маркес решил испытать на мне принципы закона Ньютона, который мы учили на уроке физики в 11 часов.

Закон всемирного тяготения, открытый Исааком Ньютоном, гласит, что два тела притягиваются с силой, прямо пропорциональной их массе и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними. Направление этой силы проходит по прямой через центры тяжести обоих тел.

Вот что, в общих чертах, можно прочесть в учебнике. На практике же – совсем другое дело. Представьте себе, что некто стащил в столовой помидор, но без намерения его съесть, а с иной целью; дождитесь, когда его жертва окажется на достаточно близком расстоянии, чтобы он сообщил упомянутому помидору силу своей правой руки, и вы увидите, что с Маркесом закон Ньютона не срабатывает. Направление помидора отклонилось от прямой, проходящей через мой центр тяжести: он приземлился прямо мне на очки. И среди общего хохота в столовой я расслышал смех Элизабет, такой звонкий и серебристый, что настроение у меня испортилось окончательно.

В эту пятницу вечером, дома, пока мама повторяла многозначительным тоном, что она всегда права – «Вот видишь, все хорошо», – я положил на стол дневник с запиской о наказании, сказал, что ужинать не хочу, и ушел в свою комнату.

В субботу утром, когда мои одноклассники завтракали перед телевизором, я отправился в школу.

Сторож сложил записку, должным образом подписанную родителями, и спрятал ее в карман своего серого халата. Он выдал мне вилы – «Только осторожней, не поранься», – и показал на кучу листьев и тачку, стоявшую под баскетбольной корзиной, которая вылупилась на меня, как глаз Каина или, вернее сказать, Маркеса.

Я сражался с кучей сухих листьев уже добрых полчаса, когда сторож наконец пришел мне на помощь.

– А ведь я тебя узнал, это ты заперся в шкафчике, верно? – сказал он и взял у меня из рук вилы. – Получить наказание в первую субботу учебного года – это надо ухитриться, почти как запереть замок изнутри.

Он уверенным движением всадил вилы в кучу и сразу подцепил больше листьев, чем я сумел перетаскать за полчаса работы.

– Что же ты натворил, за что тебя наказали-то? – спросил он, наполняя тачку.

– За ошибку в спряжении, – буркнул я.

– Ммм, не мне тебя осуждать, я сам никогда не был силен в грамматике. Но уборка листьев, кажется, тоже не твое. А что-нибудь ты умеешь делать хорошо?

Его вопрос поверг меня в глубокую задумчивость. Сколько я ни ломал голову, так и не нашел у себя ни единого таланта. Тут я понял, почему для моих родителей были так важны пресловутые шесть месяцев опережения: больше ничего мне не было дано, чтобы они могли гордиться своим отпрыском.

– Должно же быть что-то, что тебе интересно, что ты больше всего любишь делать, мечта, в конце концов? – добавил он, подцепив новую охапку листьев.

– Приручить темноту, – тихо вымолвил я.

Смеялся Ив – так звали сторожа – очень громко, даже два воробья вспорхнули с ветки и улетели. Я же, засунув руки в карманы, понуро поплелся на другой конец двора. Ив нагнал меня на полдороге.

– Я и не думал над тобой смеяться, просто ответ уж очень неожиданный, вот и все.

Тень от баскетбольной корзины вытянулась поперек двора. Солнцу еще далеко было до зенита, а моему наказанию – до конца.

– А почему ты хочешь приручить темноту? Странная все-таки идея!

– Вы ведь тоже, когда вам было столько лет, сколько мне, боялись ее. Вы даже просили закрывать ставни в вашей комнате, чтобы не впускать темноту.

Ив ошеломленно посмотрел на меня. Он переменился в лице, приветливое выражение вмиг исчезло.

– Во-первых, это неправда, а во вторых, ты-то откуда знаешь?

– Если это неправда, то какая вам разница? – бросил я в ответ и зашагал дальше.

– Двор невелик, далеко ты не уйдешь, – сказал Ив, нагоняя меня, – и ты не ответил на мой вопрос.

– Знаю, вот и все.

– Ладно, это правда, я очень боялся темноты, но я никому об этом не рассказывал. Слушай, если скажешь мне, как ты это узнал, и пообещаешь хранить секрет, я отпущу тебя не в полдень, а в одиннадцать.

– По рукам, – согласился я и протянул ему ладонь.

Ив хлопнул меня по руке и пристально посмотрел в глаза. Откуда же я узнал, что сторож так боялся темноты, когда был маленьким? Я сам понятия не имел. Может быть, я просто перенес на него мои собственные страхи. Почему взрослым на все нужно объяснение?

- Давай-ка сядем, – распорядился Ив, кивнув на скамейку у баскетбольной корзины.
- Лучше не здесь, – ответил я и показал на другую скамейку, напротив.
- Ладно, идем.

Как я мог ему это объяснить? Только что, когда мы стояли рядом посреди двора, он показался мне ненамного меня старше. Я не знал, как это произошло и почему, знал только, что в его комнате были пожелтевшие обои, а полы в доме, где он жил, скрипели, и этого он тоже ужасно боялся по ночам.

- Я не знаю, – сказал я испуганно, – наверно, я это выдумал.

Довольно долго мы сидели на скамейке и молчали. Потом Ив вздохнул и, похлопав меня по колену, встал.

– Ну все, беги домой, уговор дороже денег, уже одиннадцать. Только молчок, я не хочу, чтобы ученики надо мной смеялись.

Я попрощался со сторожем и пошел домой на час раньше, представляя, как меня встретит папа. Накануне он поздно вернулся из командировки, и сейчас мама, наверно, уже объяснила ему, почему меня нет дома. Какая кара ждет меня за то, что я был наказан в первую же неделю учебного года? Так я шел, прокручивая в голове эти мрачные мысли, и вдруг заметил нечто удивительное. Солнце стояло уже высоко, и моя тень была какой-то странной, куда длиннее и шире обычного. Я остановился, чтобы рассмотреть ее получше: формы тоже не совпадали, будто бы не моя тень скользила передо мной по тротуару, а чья-то чужая. Я взгляделся в нее – и вдруг снова увидел кусочек детства, не принадлежавшего мне.

Какой-то человек тащил меня в глубь незнакомого мне сада, снимал ремень и задавал мне серьезную порку.

Мой отец даже в гнев никогда не поднимал на меня руку. И я, кажется, понял, из чьей памяти всплыла эта картина. То, что пришло мне в голову, было совершенно невероятно, чтобы не сказать – невозможно. Я прибавил шаг, умирая от страха, но твердо решив вернуться поскорее.

Отец ждал в кухне; услышав, как я кладу ранец в гостиную, он позвал меня; голос у него был строгий.

За плохие отметки, беспорядок в комнате, сломанные игрушки, ночные вылазки к холодильнику, позднее чтение с карманным фонариком, мамин маленький радиоприемник, спрятанный под подушкой, не говоря уж о том случае, когда я набил карманы конфетами в супермаркете (мама отвернулась, зато охранник не дремал) я не раз за свою жизнь навлекал на себя грозы отцовского гнева. Но у меня имелись в запасе кое-какие хитрости, в том числе неотразимо виноватая улыбка, способная утихомирить самую яростную бурю.

На этот раз прибегать к ней мне не пришлось: папа не выглядел рассерженным, только грустным. Он попросил меня сесть напротив него за кухонный стол и взял мои руки в свои. Наш разговор продолжался минут десять, не больше. Он объяснил мне много всего про жизнь, разные вещи, которые я пойму позже, когда вырасту. Я запомнил только одно: он уходит из дома. Мы будем видеться по возможности часто, вот только он не смог сказать мне, что подразумевает под этой «возможностью».

Папа встал из-за стола и попросил меня пойти поддержать маму – она в своей комнате. До этого разговора он сказал бы «в нашей комнате», теперь же она стала только маминой.

Я послушно отправился наверх. На последней ступеньке оглянулся – папа стоял с маленьким чемоданчиком в руке. Он прощально помахал мне рукой, и входная дверь захлопнулась за ним.

Отца я больше не видел – мы встретились, только когда я стал взрослым.

Выходные я провел с мамой, делая вид, будто не замечаю ее горя. Мама ничего не говорила, только иногда вздыхала, и глаза ее тут же наполнялись слезами, которые она прятала от меня, отворачиваясь.

После обеда мы отправились в супермаркет. Я давно заметил: когда маме становилось особенно грустно, мы шли за покупками. Я никогда не понимал, как пакет крупы, свежие овощи или новые колготки могли поднять настроение... Я смотрел на нее, суетившуюся у полок, сомневаясь, помнит ли она, что я рядом. С полной тележкой и пустым кошельком мы вернулись домой, и мама бесконечно долго убирала купленные продукты.

В тот день мама испекла пирог, яблочный с кленовым сиропом. Она поставила на кухонный стол два прибора, снесла папин стул в подвал и, вернувшись, села напротив меня. Из ящика стола у газовой плиты она достала упаковку свечей, тех самых, что я задул на своем дне рождения, воткнула одну в середину пирога и зажгла.

– Мы с тобой в первый раз ужинаем вдвоем, как влюбленные, – сказала она мне, улыбаясь, – давай запомним этот вечер навсегда.

Помнится, много в моем детстве было первых разов.

Этот пирог с яблоками и кленовым сиропом был нашим ужином. Мама взяла мою руку и крепко сжала.

– Может, расскажешь, что у тебя не ладится в школе? – попросила она.

Мамино горе настолько занимало мои мысли, что я и забыл о своих субботних злоключениях. Вспомнил я о них по дороге в школу и понадеялся, что у Маркеса выходные прошли куда лучше, чем у меня. Как знать, может, если повезет, ему не понадобится больше козел отпущения.

Шестой «С» уже выстроился на галерее, и перекличка вот-вот должна была начаться. Элизабет стояла передо мной, на ней был темно-синий свитерок и юбка в клетку до колен. Маркес обернулся и метнул на меня недобрый взгляд. Перекличка кончилась, ученики гуськом зашагали в школу.

На уроке истории, пока мадам Анри рассказывала нам о смерти Тутанхамона, да так, словно сама была с ним рядом, я не без страха думал о перемене.

Звонок раздался ровно в 10:30; перспектива оказаться во дворе с Маркесом не сулила ничего хорошего, но хочешь не хочешь, пришлось идти со всеми.

Я сел в стороне, на скамейку, где разговаривал со сторожем в субботу, в тот самый день, когда, придя домой, узнал, что папа от нас уходит. Вдруг рядом со мной плюхнулся Маркес.

– Я с тебя глаз не спущу, – прошипел он, цепко ухватив меня за плечо. – Не вздумай выставить свою кандидатуру на выборы старосты класса. Я – старший, и этот пост мой. Если хочешь, чтобы я тебя не трогал, мой тебе совет: сиди тише воды ниже травы и смотри близко не подходи к Элизабет, тебе же лучше будет. Маленький ты еще, и не надейся попусту, зря будешь лезть из кожи, придурок.

Очень солнечно было в то утро на школьном дворе, я отлично это помню, и не даром! Наши тени вытянулись рядом на асфальте. Маркесова была на добрый метр длиннее моей – все дело в пропорциях, это математика. Я незаметно подвинулся, чтобы моя тень легла поверх его. Маркес ничего не замечал, а меня эта игра забавляла. Хоть раз я взял верх – мечтать не вредно. Маркес, по-прежнему терзая мое плечо, заметил Элизабет, которая прошла недалеко от нас под каштаном. Он встал и, шикнув, мол, сиди тихо, оставил меня наконец в покое.

Из сторожки, где хранился садовый инвентарь, вышел Ив. Он направился к скамейке, глядя на меня с таким серьезным видом, что впору было задуматься, не натворил ли я чего еще.

– Мне очень жаль, что так вышло с твоим отцом, – сказал он. – Знаешь, со временем все утрясется.

Откуда он узнал новость так скоро? Об уходе моего отца не писали в газетах.

Дело в том, что в маленьких провинциальных городках все всё про всех знают: ни одной сплетни не упустят люди, жадные до чужой беды. Когда я это осознал, уход отца снова, во второй раз, тяжким бременем навалился мне на плечи. Я был уверен, что сегодня же вечером об этом станут судачить во всех домах моих одноклассников. Одни возложат ответственность на маму, другие обвинят во всем отца. Но все сойдется на том, что я никуда не годный сын, неспособный сделать отца достаточно счастливым, чтобы не дать ему уйти.

Решительно, год начинался плохо.

– Ты с ним ладил? – спросил Ив.

Я ответил кивком, уставившись на носки своих ботинок.

– Жизнь скверно устроена. Вот у меня отец был тот еще мерзавец. Мне так хотелось, чтобы он ушел из дому. Я сам ушел раньше него, чтобы не сказать – из-за него.

– Папа никогда не поднимал на меня руку! – поспешно ответил я во избежание недоразумений.

– Мой тоже, – сказал на это сторож.

– Если вы хотите, чтобы мы стали друзьями, давайте говорить друг другу правду. Я знаю, что ваш отец вас бил. Он тащил вас в глубь сада и там лупил ремнем.

Что я такое ляпнул? Я сам не знал, как эти слова сорвались у меня с языка. Наверно, мне было необходимо именно Иву сказать, что я видел в ту злополучную субботу, возвращаясь домой. Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Кто тебе это рассказал?

– Никто, – сконфузился я.

– Или ты любитель вынюхивать, или врун.

– Ничего подобного! А вы? Кто вам рассказал про моего отца?

– Я как раз принес почту мадам директрисе, когда твоя мама ей позвонила. Директриса так расстроилась, что, повесив трубку, все повторяла вслух: «Какие мужчины мерзавцы, нет, ну какие же мерзавцы!» А когда сообразила, что я стою перед ней, извинилась. «Не вы, Ив, – сказала. И даже добавила: – Конечно не вы». Как же, думает-то она обо мне то же самое, она обо всех нас так думает; мы в ее глазах мерзавцы, малыш, просто потому, что мы – мужчины. Видел бы ты, как она переживала, когда школу сделали смешанной. Известное дело, мужчины изменяют женщинам, а спрашивается: с кем? С кем, как не с женщинами, которые тоже изменяют своим мужчинам? Я-то знаю, о чем говорю. И ты узнаешь, когда вырастешь.

Мне хотелось убедить Ива, что я не понимаю, о чем он, но я ведь сам сказал ему, что наша дружба не может строиться на лжи. Я понимал, отлично все понимал с того самого дня, когда мама нашла тюбик губной помады в кармане папиного пальто, а папа уверял, будто представления не имеет, как он туда попал, и клялся, что это глупая шутка коллег по работе. Папа и мама ссорились всю ночь, и я за один вечер узнал об изменах больше, чем из всех сериалов, которые мама смотрела по телевизору. Без экрана все даже куда подлиннее – когда драма разыгрывается в соседней комнате.

– Так я сказал тебе, откуда знаю про твоего отца, – продолжал Ив, – теперь твоя очередь.

Тут зазвонил звонок; Ив что-то недовольно пробурчал и велел мне бежать на уроки, добавив, правда, что разговор мы не закончили. Он направился в свою сторожку, а я в класс.

Я шел лицом к солнцу и вдруг оглянулся; тень, скользившая за мной, снова была маленькой, а тень, опережавшая сторожа, – гораздо больше. Хоть что-то в этот понедельник вошло в

привычную колею, и меня это здорово успокоило. Видно, мама права: слишком богатое воображение порой играет со мной злые шутки.

На уроке английского я ничего не слушал. Во-первых, я еще не простил мадам Шеффер мое наказание, и потом, мне все равно было не до того. Зачем моя мама звонила директрисе и рассказывала про свою жизнь, про нашу жизнь? Задушевными подругами, насколько мне известно, они не были, и я находил подобные откровения крайне неуместными. Она хоть подумала, что будет со мной, когда узнают все? С Элизабет у меня не осталось никаких шансов. Даже если допустить, что ей нравятся мальчики маленького роста и в очках – предположение весьма оптимистичное, – или что ее может привлечь полная противоположность Маркесу, здоровенному самоуверенному дылде, разве можно мечтать о ком-то, чей отец ушел из дома по всем известным причинам, главная из которых – что его сын не стоил того, чтобы с ним остаться?

Я думал эти невеселые думы в столовой, на уроке географии, на третьей перемене и по дороге из школы. Подходя к дому, я был полон решимости втолковать маме, как круто она меня подставила. Но, поворачивая ключ в замке, я подумал, что это значило бы предать Ива: мама завтра же позвонит директрисе, чтобы попенять ей, что та не сохранила секрет, а директрисе не понадобится далеко ходить, чтобы найти, откуда просочилась информация. Если я подведу сторожа, вряд ли наши приятельские отношения смогут когда-нибудь стать настоящей дружбой, а мне в этой новой школе больше всего не хватало друга. И пусть Ив на тридцать или сорок лет старше меня – мне это было все равно. Непостижимым образом украв у него тень, я понял, что он достоин доверия. Так что объяснение с мамой я решил отложить.

Мы поужинали перед телевизором, мама была не расположена поддерживать беседу. После ухода папы она вообще мало разговаривала, как будто ей стало трудно произносить слова.

Ложась спать, я вспомнил Ива, который сказал, что со временем все утрясется. Может быть, пройдет время и мама снова будет приходить и желать мне спокойной ночи, как раньше. В эту ночь не шелхнулись даже задернутые занавески на приоткрытых окнах, ничто не смело нарушить царившую в доме тишину, и ни единой тени не мелькнуло в складках ткани.

Кто-то может подумать, будто жизнь моя изменилась с уходом отца, но это не так. Папа часто возвращался с работы поздно, и я давно привык коротать вечера вдвоем с мамой. По нашим воскресным прогулкам на велосипедах я скучал, но быстро заменил их мультиками, которые мама разрешала мне смотреть, пока сама читала газету. Новая жизнь – новые привычки: мы делили гамбургер на двоих в ближайшем ресторанчике, а потом прогуливались по торговым улицам. Магазины были закрыты, но мама, кажется, не всегда это замечала.

В час полдника она неизменно предлагала мне пригласить в гости одноклассников. Я пожимал плечами и обещал, что приглашу... попозже.

Весь октябрь шли дожди. С каштанов облетели листья, и птиц почти не стало на оголившихся ветках. Вскоре их пение смолкло окончательно; зима была не за горами.

Каждое утро я выглядывал в окно, подстерегая солнечный луч, но ждать пришлось долго: только в середине ноября он пробился наконец сквозь толщу облаков.

Как только небо прояснилось, наш учитель естествознания организовал выезд на природу. Оставались считанные дни, чтобы успеть собрать гербарий, достойный так называться.

Взятый напрокат для такого случая автобус довез нас до леса, который начинался сразу за городком. И вот мы, шестой «С» класс в полном составе, оскальзываясь на мокрой земле, принялись собирать всевозможную растительность – листья, грибы, высокие травы и разноцветные мхи. Маркес выступал впереди, как заправский командир. Девочки наперебой старались привлечь его внимание, но он не сводил глаз с Элизабет. Та, держась в сторонке, делала вид, будто этого не замечает, но меня ей было не обмануть, и я с горькой обидой понял, что она довольна.

Засмотревшись на корни большого дуба, между которыми рос мухомор с огромной шляпкой, достойной быть головным убором Штрумпфа, я отстал от класса и оказался один – иными словами, заблудился. Я слышал, как учитель звал меня издали, но не мог понять, с какой стороны доносится голос.

Я попытался догнать класс, но вскоре мне стало ясно, что либо этот лес бесконечен, либо я хожу по кругу. Я задрал голову к вершинам кленов; солнце клонилось к закату, и мне стало не на шутку страшно.

Позабыв о самолюбии, я заорал изо всех сил. Наверно, ребята были на изрядном расстоянии: ни один голос не откликнулся на мой зов. Я присел на пенек и стал думать о маме. С кем она будет коротать вечера, если я не вернусь? Не подумает ли, что я бросил ее, как папа? Он-то хоть предупредил, что уходит. Никогда она мне не простит, что я оставил ее одну, тем более сейчас, когда я ей особенно нужен. Пусть она порой забывала о моем присутствии, когда мы вместе ходили по рядам супермаркета, пусть она теперь редко со мной разговаривала, потому что произносить слова стало трудно, пусть не приходила пожелать мне спокойной ночи, но я знал, что без меня ей будет очень плохо. Тьфу ты, мне надо было подумать об этом, прежде чем тарашиться на дурацкий гриб! Попадись он мне, уж я сшибу с него шляпку, будет знать, как шутить со мной шутки!

– Черт побери, что ты тут ошиваешься, придурок?

Впервые с начала учебного года я был от души рад увидеть лицо Маркеса, показавшееся между высокими папоротниками.

– Учитель рвет и мечет, он хотел уже прочесывать лес, но я ему сказал, что сам тебя найду. На охоте мой старик всегда говорит, что у меня дар отыскивать негодную дичь. Получается, он прав. Давай-ка пошевеливайся! Видел бы ты себя: еще немного, и разревелся бы тут, как девчонка.

Эти добрые слова Маркес выпалил мне прямо в лицо, для чего ему пришлось присесть. Солнце светило ему в спину, окружая ореолом голову, и вид у него от этого стал еще более грозный, чем обычно. Лицо его было так близко, что я чувствовал запах жевательной резинки. Он выпрямился и больно ткнул меня в плечо.

– Ну что, пошли или ты собрался здесь ночевать?

Я встал и пропустил его на несколько шагов вперед.

И вот когда он отошел, я вдруг понял: что-то не так. Тень за мной была на добрый метр длиннее обычного, а тень Маркеса стала маленькой, такой маленькой, что вывод напрашивался один: эта тень могла быть только моей.

Маркес спас меня, и если теперь он обнаружит, что я вместо благодарности стащил у него тень, то мне лучше попроситься с нормальной жизнью не только на ближайшую четверть, но и на все школьные годы вплоть до выпускных экзаменов в восемнадцать лет. Не надо быть сильным в математике, чтобы сосчитать, сколько дней кошмара наяву меня ждет.

Я поспешил за ним следом, твердо решив, что наши тени должны снова пересечься, и пусть все снова станет прежним и обычным, как раньше, до папиного ухода. Это был какой-то бред – нельзя вот так запросто присвоить чужую тень! Однако именно это произошло уже во второй раз. Тень Маркеса наложилась на мою и, когда он удалился, осталась, словно приклеившись к моим ногам. Сердце у меня отчаянно колотилось, колени дрожали.

Мы пересекли полянку и вышли на тропу, где поджидал нас учитель естествознания с ребятами. Маркес победным жестом поднял руки – этаким охотник, а я – нечто вроде добычи, которую он тащил за собой. Учитель махал нам, призывая поторопиться. Автобус ждал. Я понимал, что мне опять нагорит. Ребята смотрели на нас, и в их взглядах я угадывал насмешку. Что ж, по крайней мере, сегодня вечером им будет что обсудить дома помимо семейных проблем моих родителей.

Элизабет уже сидела в автобусе, на том же месте, что и на пути сюда. Она даже не смотрела в окно, мое исчезновение, похоже, ее совсем не встревожило. Солнце опустилось еще ниже к линии горизонта, наши тени мало-помалу бледнели, становясь все неразличимее. Тем лучше, теперь никто не заметит того, что произошло в лесу.

Я понуро поплелся в автобус. Учитель естествознания спросил, как я ухитрился потеряться, и признался, что я здорово его напугал. Но он, кажется, был так доволен моим благополучным возвращением, что даже не стал меня ругать. Я сел сзади и за весь обратный путь не проронил ни слова. Сказать-то все равно было нечего, я заблудился, вот и все, это и не с такими случается. Я видел по телевизору передачу про опытных альпинистов, которые заблудились в горах. Какой же тогда спрос с меня?

Дома мама ждала меня в гостиной. Она обняла меня и очень крепко прижала к себе, даже слишком, по-моему, крепко.

– Ты заблудился? – выдохнула она, глядя меня по щеке.

Наверно, она держала связь с директрисой по уоки-токи – разве могла иначе информация обо мне дойти до нее так быстро?

Я рассказал маме о своих злоключениях, и она настояла, чтобы я принял горячую ванну. Сколько я ни твердил, что ничуть не замерз, она и слышать ничего не хотела. Впору было подумать, что ванна может смыть все свалившиеся на нас невзгоды – уход отца для нее и появление Маркеса для меня.

Пока мама намыливала мне голову шампунем, от которого щипало глаза, у меня так и вертелась на языке история с тенями. Но я знал, что она не примет ее всерьез, скажет: «Не выдумывай», и предпочел промолчать, надеясь, что завтра погода переменится и под серым небом теней не будет видно.

На ужин был ростбиф с жареной картошкой. Оказывается, не так уж плохо заблудиться в лесу, надо бы делать это почаще.

Мама вошла ко мне в комнату в 7 часов утра. Завтрак готов, быстро умываться, одеваться и за стол, если не хочу опоздать в школу. На самом деле я очень хотел опоздать в школу, а еще больше хотел вообще туда не ходить. Мама сообщила, что день будет погожий, от этого у нее поднялось настроение. Услышав ее удаляющиеся шаги на лестнице, я тотчас нырнул под одеяло. Я лежал и умолял мои ноги не морочить мне голову, заклинал их больше не красть теней и главное – как можно скорее вернуть Маркесу Маркесово. Конечно, мягко говоря, странно разговаривать ранним утром со своими ногами, но надо поставить себя на мое место, чтобы понять, каково мне было.

С тяжелым ранцем за спиной я шел в школу и думал о творившихся со мной чудесах. Как незаметно совершить обмен? Для этого надо было, чтобы тень Маркеса и моя снова пересеклись; а это значило, что придется под каким-то предлогом подойти к Маркесу и заговорить с ним.

До школьных ворот оставалось несколько шагов; я глубоко вдохнул, прежде чем войти. Маркес сидел на спинке скамейки в окружении ребят, которые разинув рты слушали его байки. Сегодня к концу дня заканчивался срок подачи кандидатур на выборы старосты, понятно, что у него в разгаре предвыборная кампания.

Я шагнул к ним. Маркес, наверно спиной почувствовав мое присутствие, обернулся и метнул на меня недобрый взгляд.

– Чего тебе?

Остальные напряглись, ожидая моего ответа.

– Хочу поблагодарить тебя за вчерашнее, – запинаясь, выговорил я.

– Ладно, считай, поблагодарил, а теперь иди играй в шарик, – фыркнул он, и ребята захихикали.

И тут я вдруг почувствовал спиной некую силу – эта сила заставила меня сделать три шага до скамейки, вместо того чтобы послушно уйти.

– Что еще? – повысил он голос.

Клянусь, дальнейшее было полной неожиданностью, я не замыслил заранее того, что сказал, да таким уверенным тоном, что сам удивился:

– Я решил выставить свою кандидатуру на выборы старосты класса, так что давай сразу внесем ясность!

И неведомая сила понесла меня в обратную сторону, к галерее; я шагнул прямо, как солдат на плацу.

За спиной – ни звука. Я ожидал услышать смешки, но тишину нарушил только голос Маркеса.

– Что ж, значит, война, – произнес он. – Ты еще пожалеешь.

Элизабет – она к группе не присоединилась – встретила меня на полпути и шепнула, что Маркес действует ей на нервы, после чего удалилась, как будто ничего и не говорила. Я понял, что жить мне осталось до следующей перемены.

А на перемене солнце стояло прямо над двором. Я смотрел на ребят, начавших игру в баскетбол, и вдруг, взглянув под ноги, увидел то, чего так боялся. Мало мне было тени, слишком большой, чтобы быть моей, – я и сам чувствовал себя каким-то другим. Сколько понадобится времени, чтобы кто-нибудь это заметил и открыл секрет, наполнявший меня ужасом? На всякий случай я пошел к галерее, под навес. Люк, сын булочника, который сломал в каникулы ногу и еще ходил в гипсе, помахал мне, приглашая подойти. Я сел рядом с ним.

– Я тебя недооценивал. Ну ты даешь!

– Вот теперь мне точно конец, – ответил я. – Все равно у меня нет никаких шансов.

– Хочешь победить – меняй настрой. Нельзя заранее настраиваться на проигрыш, главное – воля к победе, а с ней и шансы появятся – так говорит мой отец. И потом, я с тобой не согласен. Я уверен, что все эти друзья-приятели – одна видимость, а на самом деле многие его терпеть не могут.

– Кого?

– Твоего соперника, кого же еще? Во всяком случае, на меня можешь рассчитывать, я на твоей стороне.

Этот коротенький разговор был лучшим, что случилось со мной с начала учебного года. Всего лишь мелькнула надежда. Но одна только мысль, что у меня появится друг-ровесник,

заставила меня забыть все остальное – и стычку с Маркесом, и проблему с тенью; на минуту я забыл даже о том, что папы не будет дома и я не смогу ему этого рассказать.

В среду уроки закончились в 15:30. Вписав свою фамилию в список кандидатов, приколотый кнопками к пробковой доске у школьного секретариата – кстати, единственную кроме фамилии Маркеса, – я отправился домой, предложив Люку составить ему компанию: мы жили в одном квартале.

Мы шли рядом по тротуару, и я очень боялся, что он заметит странность с нашими тенями: моя вытягивалась гораздо дальше, чем его, хотя мы были примерно одного роста. Но он не смотрел под ноги, наверно, из-за гипса, которого стеснялся. Одноклассники с первого дня прозвали его «Капитан Крюк».

Когда мы проходили мимо булочной, он спросил, как я смотрю на то, чтобы съесть шоколадную булочку. У меня не хватало карманных денег на такую роскошь, зато в ранце лежал приготовленный мамой сэндвич с нутеллой, тоже вкусно, и я предложил разделить его пополам. Люк рассмеялся и сказал, что мама не имеет привычки брать с него деньги за полдники. Он с гордостью указал на витрину булочной. На вывеске изящными буквами была выведена надпись: «Булочная Шекспира» – именно она принадлежала его родителям.

– Твоя фамилия правда Шекспир?

– Да, правда, но я не родственник создателю Гамлета, это просто синоним.

– Омоним, – поправил я.

– Точно. Ну что, как насчет шоколадной булочки?

Люк толкнул дверь магазина. Его мама, вся кругленькая, сама походила на булочку и сияла улыбкой. Она поздоровалась с нами; выговор у нее был не местный. Мама Люка говорила певучим голосом, от которого теплело на душе, и обращалась к вам так, что вы сразу чувствовали себя желанным гостем.

Она предложила нам на выбор шоколадную булочку или кофейный эклер и, не успели мы задуматься, решила угостить нас и тем и другим. Мне сделалось неловко, но Люк сказал, что отец выпекает всегда слишком много и что не продано до вечера, идет на выброс, зачем же добру пропадать? Уговаривать нас не пришлось, мы уплели и по шоколадной булочке, и по кофейному эклеру.

Мама Люка попросила его побыть в магазине, пока она сходит в пекарню за новой партией хлеба.

Мне было странно видеть моего приятеля на высоком табурете за кассой. Я вдруг представил себе нас с ним на двадцать лет старше, во взрослой одежде, он – булочник, я – покупатель...

Моя мама часто говорит, что воображение бежит впереди меня. Я зажмурился и, странное дело, увидел себя входящим в эту булочную: у меня была борода, а в руке я держал чемоданчик – наверно, когда вырасту, я буду врачом, а может быть, бухгалтером, они тоже носят чемоданчики. Я подхожу к прилавку, заказываю кофейный эклер – и вдруг узнаю старого школьного товарища. Я не видел его столько лет, мы крепко обнимаемся, а потом вместе уплетаем по шоколадной булочке и по кофейному эклеру в память о добрых старых временах.

Наверно, в этой булочной, глядя, как мой приятель Люк играет в кассира, я впервые осознал, что когда-нибудь состарюсь. Не знаю почему, но, тоже впервые, мне не захотелось расставаться с детством, покидать это тело, до сих пор казавшееся мне слишком маленьким. Что-то странное творилось со мной с тех пор, как я украл тень Маркеса, – наверно, были какие-то побочные эффекты у этого непостижимого феномена, и мысль эта меня отнюдь не радовала.

Мама Люка поднялась из пекарни с решетчатым подносом, полным маленьких булочек, от которых чудесно пахло, и Люк сообщил ей, что покупателей не было. Она вздохнула, пожав плечами, разложила булочки на витрине и спросила, не пора ли нам делать уроки. Я обещал

маме управиться до ее прихода, поэтому, еще раз поблагодарив Люка и его маму, поспешил домой.

На перекрестке я положил мой сэндвич с нутеллой на каменную ограду – пусть птицы полакомятся; есть мне больше не хотелось, но еще меньше хотелось обидеть маму, дав ей понять, что ее полдники не так вкусны, как пирожные мадам Шекспир.

Тень передо мной стала еще длиннее. Я шел, прижимаясь к стенам, из страха встретить кого-нибудь из одноклассников.

Придя домой, я опрометью кинулся в сад, чтобы подробнее изучить странное явление. Папа говорит, что, если хочешь вырасти, надо смотреть в лицо своим страхам и сравнивать их с действительностью. Это я и попытался сделать.

Иные часами просиживают перед зеркалом, надеясь увидеть в нем другое, не свое отражение, а я весь остаток дня играл с новой тенью и, к немалому моему удивлению, почувствовал себя словно заново родившимся. Впервые в жизни – пусть это был лишь отпечатанный на земле негатив – я сознавал себя другим. Когда солнце зашло за холм, мне стало одиноко и даже немного грустно.

Наскоро поужинав, я сделал уроки и, пока мама смотрела по телевизору свой любимый сериал, – посуда, решила она, подождет, – под шумок улизнул на чердак, так что она и не заметила. У меня родилась одна идея. Там, под крышей, было большое слуховое окно, круглое, как полная луна, а луна в этот вечер как раз стояла полная. Я должен был во что бы то ни стало выяснить, что со мной произошло. Это не шуточки – наступить на чью-то тень и унести ее с собой. Мама говорила, что у меня слишком буйное воображение, поэтому я решил спокойно во всем разобраться, а единственным по-настоящему спокойным местом для меня был чердак.

Там, наверху, был мой мир, только мой. Отец никогда туда не ходил: потолок был слишком низкий, он стучался головой и говорил нехорошие слова – «черт», «дерьмо» или «твою мать». Иногда даже все три сразу. Произнеси я хоть одно, мне бы досталось по первое число, но взрослым позволено делать много такого, что они нам запрещают. В общем, как только я подрос и смог забираться на чердак самостоятельно, отец стал посылать туда меня, а я был рад оказать ему эту услугу. Если говорить начистоту, поначалу я боялся подниматься на чердак, потому что там было очень темно, но потом меня стало невозможно оттуда выгнать. Мне доставляло огромное удовольствие пробираться под низким потолком между чемоданами и старыми картонными коробками.

В одной из них я обнаружил целый альбом маминых фотографий, на которых она еще совсем молодая. Мама у меня и сейчас красивая, но на этих снимках она просто чудо как хороша. А в другой коробке нашлись свадебные фотографии моих родителей. С ума сойти, как они, похоже, любили друг друга тогда.

Глядя на них, я не мог понять, что произошло: как могла вдруг исчезнуть вся эта любовь? И главное, куда она девалась? Может быть, любовь как тень – наступит на нее кто-то и унесет с собой? Может быть, избыток света опасен для любви или, наоборот, когда света мало, тень любви бледнеет и исчезает совсем? Я стащил одну фотографию из альбома: папа держит маму за руку на крыльце мэрии. У мамы круглый живот, это значит, я как будто тоже там, с ними. Вокруг моих родителей стоят дяди и тети, кузены и кузины, я почти никого из них не знаю, и всем им явно очень весело. Вот бы и мне когда-нибудь жениться на Элизабет, если она согласится, а я вырасту сантиметров этак на тридцать.

Еще на чердаке валялись сломанные игрушки, те, которые я, досконально выяснив, как они устроены, так и не сумел починить. В общем, среди всего этого домашнего хлама я чувствовал себя как будто в другом мире и знал, что этот мир словно специально создан для меня. Да, мой мир был в моем доме, но под самой крышей.

И вот я, устроившись у слухового окна, стою прямо и смотрю, как всходит луна, она полная, и ее свет ложится на половицы чердака. Видно даже, как летают в лунном луче пылинки, и от этого здесь так мирно и спокойно. Сегодня, до прихода мамы, я забрался в бывший папин кабинет, чтобы прочесть все, что найду, о тенях. Статья в энциклопедии оказалась довольно сложной, но благодаря иллюстрациям я немало узнал о том, как появляются тени, как можно их перемещать и даже ориентировать. Моя уловка должна была сработать, когда луна будет на оси окна. Я с нетерпением ожидал этого момента, надеясь, что он наступит до конца маминого сериала.

Наконец то, чего я ждал, произошло. Прямо передо мной на половицах чердака вытянулась длинная тень. Я кашлянул, собираясь с духом, и произнес вслух то, в чем уже был уверен:

– Ты не моя тень!

Я не сумасшедший и, признаюсь, изрядно испугался, когда услышал ответный шепоток тени:

– Я знаю.

Гробовое молчание. Во рту у меня пересохло, горло сжалось, но я продолжал:

– Ты тень Маркеса, да?

– Да, – прошелестело у меня в ушах.

Когда к вам обращается тень, это похоже на музыку, звучащую в голове: музыканта нет, но ее слышишь так явственно, будто несуществующий оркестр играет совсем рядом. Такое примерно впечатление.

– Только умоляю, никому не говори, – сказала мне тень.

– Что ты вообще здесь делаешь? Почему ты со мной? – спросил я встревоженно.

– Я убежала. Ты не догадался?

– Почему же ты убежала?

– А ты знаешь, каково быть тенью дурака? Сил моих больше нет. Когда он еще был маленьким, мне уже приходилось тяжело, а чем дальше он растет, тем труднее мне его выносить. Другие тени, и твоя тоже, надо мной смеются. Знал бы ты, как повезло твоей тени! Знал бы, как она смотрит на меня свысока! Все потому, что ты не такой.

– Я не такой?

– Забудь, что я сказала. Другие тени говорят, что у нас нет выбора, наша судьба – быть тенью одного человека, и это навсегда. Человек должен измениться, чтобы наша участь стала лучше. А с Маркесом, посуди сам, какое будущее меня ждет? Представляешь, как я удивилась, почувствовав, что могу отделиться от него, когда ты оказался рядом? У тебя необычайный дар, и я даже не раздумывала, просто сказала себе: теперь или никогда. Я, признаться, воспользовалась своим ростом, я ведь тень Маркеса, уж извини. Я оттолкнула твою, чтобы занять ее место.

– А моя тень? Что ты с ней сделала?

– А ты как думаешь? Ей надо было к кому-нибудь прилипнуть, вот она и ушла с моим бывшим хозяином. Я ей, честно говоря, не завидую.

– Ты плохо поступила с моей тенью. Завтра же отдам тебя Маркесу, а ее верну.

– Пожалуйста, позволь мне остаться с тобой. Я хочу испытать, каково это – быть тенью хорошего человека.

– Я хороший человек?

– Ты можешь им стать.

– Нет, это невозможно: если я тебя оставлю, люди рано или поздно заметят, что со мной что-то не так.

– Люди и на других людей-то не обращают внимания, не то что на их тени... И потом, природа моя такая – держаться в тени. Немного тренировки и взаимопонимания – и у нас с тобой все получится.

– Но ты раза в три длиннее моего роста.

– Это ведь не навсегда, всего лишь вопрос времени. Скажем так, пока ты мал, тебе тоже придется держаться в тени, но когда пойдешь в рост, я выведу тебя к свету. Подумай, это ведь немалое преимущество – иметь большую тень. Если б не я, разве ты бы выставил свою кандидатуру на выборы старосты класса? Кто, по-твоему, тебя заставил поверить в себя?

– Так это ты меня подтолкнула?

– Кто же еще, – призналась тень.

Вдруг я услышал мамин голос: она стояла под лесенкой, ведущей на чердак, и спрашивала меня, с кем это я там беседую. Не подумав, я брякнул, что разговариваю со своей тенью. Разумеется, она ответила, что, чем нести чушь, лучше бы я шел спать. Взрослые никогда не верят, если вы говорите с ними всерьез.

Тень пожала плечами, и мне показалось, что она меня понимает. Я отошел от окна, и она исчезла.

В ту ночь мне приснился очень странный сон. Я иду с отцом на охоту; несмотря на то что охоту я не люблю, я счастлив, что мы снова вместе. Я шагаю за ним следом, но он не оглядывается, и я не вижу его лица. Перспектива убивать животных меня ни капельки не радует. Отец посылает меня на разведку по бескрайним полям, где колышутся под ветром порывевшие от солнца травы. Моя задача – хлопать в ладоши, чтобы перепелки взлетали, и тогда он в них стреляет. Чтобы помешать кровопролитию, я стараюсь идти как можно медленнее. Удирает, проскользнув между моих ног, заяц, и отец ругается: толку, мол, от меня никакого, только и умею поднимать негодную дичь. По этой фразе я понял – во сне, – что человек вдали не мой отец, а отец Маркеса. Я оказался на месте моего врага, и ощущение было не из приятных.

Конечно, я стал выше и чувствовал себя сильнее, но мне было очень грустно, как будто со мной приключилось несчастье.

С охоты мы вернулись домой – но это не мой дом. Я сижу за обеденным столом, отец Маркеса уткнулся в газету, его мама смотрит телевизор, со мной никто не разговаривает. У нас дома за столом всегда говорили; когда папа жил с нами, он спрашивал меня, как прошел день, а теперь, после его ухода, об этом спрашивает мама. Но родителям Маркеса, видно, до лампочки, сделал ли он уроки. Казалось бы, здорово, а на самом деле совсем наоборот, и я понял, откуда эта внезапная грусть: хоть Маркес и мой враг, мне обидно за него из-за царящего в его доме равнодушия.

Когда зазвонил будильник, я проснулся в поту. Было трудно дышать, и я весь горел, как при высокой температуре, но до чего же хорошо, что это был всего лишь кошмарный сон. Я сильно вздрогнул в последний раз – и все стало прежним. В это утро я почувствовал себя счастливым только оттого, что меня окружали стены моей комнаты. Умываясь, я думал, надо ли рассказать маме о том, что со мной случилось. Мне хотелось разделить с ней мою тайну, но я догадывался, что она на это скажет.

Первое, что я сделал, спустившись в кухню, – кинулся к окну. Было пасмурно, ни клочка синевы на горизонте, даже штанишки моряку не выкроишь, как говорил папа, когда приходилось отменить рыбалку. Я схватился за пульт, чтобы включить телевизор.

Мама удивилась: что это я вдруг так заинтересовался прогнозом погоды? Я соврал, что готовлю доклад о глобальном потеплении климата, и попросил дать мне спокойно дослушать даму-синоптика, которая говорила, что облачный фронт, обусловленный глубоким циклоном,

установится в нашем регионе на ближайшие несколько дней. Как же некстати! Со всеми этими облаками на появление теней нет никаких шансов, а значит, невозможно вернуть тень Маркесу. Взяв ранец, я с тяжелым сердцем отправился в школу.

Люк все перемены просиживал на скамейке. С гипсом и костылем больше ему делать было нечего. Я сел рядом с ним, и он показал мне пальцем на Маркеса. Этот большой дурень пожимал руки всем одноклассникам и делал вид, будто интересуется разговорами девочек.

– Ну-ка, помоги мне пройти, нога совсем затекла.

Я подал ему руку, и мы встали, чтобы пройти. В этот день мне, видно, везло: как раз когда мы приблизились к Маркесу, крошечный просвет вдруг образовался в пасмурном небе. Я тотчас посмотрел вниз – там была целая толпа, тени сгрудились, словно собравшись на тайный совет (нам объяснили, что это такое, на уроке истории как раз перед этой переменой). Маркес обернулся к нам и взглядом дал понять, что мы для него – нежеланные гости. Люк пожал плечами.

– Пойдем, надо поговорить. Скоро выборы, – сказал он, опираясь на костыль. – Ты не забыл, в пятницу? Пора тебе что-нибудь сделать для своей популярности.

Слова Люка прозвучали очень по-взрослому. Глядя на него, прихрамывающего, ссутуленного, я вдруг словно увидел сон наяву. Мне примерещились мы оба, гораздо старше, чем сейчас, даже старше, чем виделись в прошлый раз в булочной. Как будто наша дружба длилась целую жизнь. У Люка почти не осталось волос, лоб из-за лысины казался высоченным. Лицо было усталое, в морщинках, но голубые глаза блестели по-прежнему, и это меня радовало.

– Что ты будешь делать потом, после школы? – спросил я.

– Не знаю, а что, это прямо сейчас надо решить?

– Нет, не обязательно, ну, то есть не думаю. Но если бы тебе пришлось выбирать сейчас, чем бы ты хотел заниматься?

– Наверно, родительской булочной.

– Нет, а если бы у тебя был выбор, чем еще?

– Я бы хотел быть врачом, как месье Шаброль, но вряд ли это возможно. Мама говорит, что дела идут все хуже, скоро покупателей вообще не останется. С тех пор как хлеб продают в супермаркете, родители еле сводят концы с концами, так что, сам понимаешь, каково им будет оплатить мне учебу на медицинском факультете!

Я знал, что Люк не станет врачом, знал это совершенно точно с того дня, когда мы ели шоколадные булочки и кофейные эклеры и я увидел его за кассой. Люк останется в нашем городке; у его семьи так и не хватит средств оплатить ему долгую учебу.

С одной стороны, можно было порадоваться, ведь это значило, что булочная выстоит в войне с супермаркетом, – но доктором ему не стать. Говорить ему этого я не хотел, догадываясь, что он расстроится, даже, может быть, падет духом, а ведь по естественным наукам он был лучшим в классе. И я не стал делиться с ним этим секретом – промолчал. А мне ведь надо внимательно смотреть, куда я ступаю, следить за каждым своим шагом. Даже в пасмурный день всегда может выглянуть солнце. Знать заранее, что будет с людьми, к которым ты хорошо относишься, – счастливее от этого точно не станешь.

– Так насчет выборов, что ты думаешь делать?

Но у меня в голове вертелся другой вопрос.

– Люк, если бы ты мог знать, что люди думают или, вернее, отчего им плохо, что бы ты сделал?

– Ну и мысли у тебя. С чего вдруг? Так не бывает.

– Я знаю, но если бы у тебя все-таки был такой дар, как бы ты его использовал?

– Не знаю, по-моему, от такого дара мало радости, я бы, наверно, боялся, что чужое несчастье перейдет на меня.

– Ты боялся бы? И все?

– В конце каждого месяца, когда родители подводят счета, я вижу, как они тревожатся, и мне от этого плохо, но сделать я ничего не могу. А если бы я чувствовал беды всех людей на свете? Это было бы ужасно.

– А представь, если бы ты мог что-то изменить?

– Ну, изменил бы, наверно. Ладно, что-то мне тоскливо от этих разговоров, давай лучше вернемся к выборам и подумаем вместе.

– Люк, если бы ты стал мэром городка, когда вырастешь? Тебе бы этого хотелось?

Люк прислонился к стене, переводя дыхание. Он пристально посмотрел на меня, и его хмурый вид сменился широкой улыбкой.

– Это было бы здорово. Родителям бы понравилось, и потом, я смог бы провести закон, запрещающий супермаркету открывать отдел хлеба. Еще, наверно, я запретил бы секцию товаров для рыбной ловли, потому что лучший друг моего отца держит такую лавочку на рыночной площади и ему тоже туго приходится из-за конкуренции супермаркета.

– Можешь вообще провести закон о закрытии супермаркета.

– Думаю, когда я стану мэром, – сказал Люк, хлопнув меня по плечу, – ты будешь у меня министром торговли.

Вечером, дома, надо будет спросить у мамы, есть ли при мэрах министры. Я бы не отказался стать министром Люка, но у меня возникло маленькое сомнение.

В школьном коридоре, идя на урок, я от души надеялся, что проглянувшее на перемене солнце поставило всё на свои места и тень Маркеса вернулась к законному хозяину; я молился о том, чтобы при следующем просвете увидеть под ногами мою собственную тень, но в то же время, хоть это может показаться странным, мне было немного стыдно за такие мысли.

Урок математики только начался, как вдруг во дворе раздался оглушительный грохот. Окна разлетелись вдребезги, а учитель истошным голосом крикнул: «Всем лечь на пол!» Повторять дважды ему не пришлось.

Наступила гробовая тишина. Месье Жербье поднялся первым и спросил, не ранен ли кто. Вид у него был перепуганный. Если не считать осколков стекла в волосах да двух девочек, которые плакали просто от страха, все было в порядке, только окна выглядели жутко да с парт все смело на пол. Учитель поспешно вывел нас из класса и велел построиться в колонну. Сам он вышел последним и побежал по коридору, чтобы встать во главе. Наверно, учителя тренировались заранее, потому что все остальные классы поступили точно так же и коридор был полон народу; звонок звонил вовсю. Во дворе зрелище было и вовсе невероятное. Стекла вылетели почти во всех окнах школы, а из-за сторожки валил густой дым.

– Бог ты мой, – воскликнул месье Жербье, – это же цистерна с газом!

При чем тут Бог? Я представил себе его с огромной зажигалкой: хотел закурить, да промахнулся. Впрочем, нам столько талдычили о вреде курения, что я плохо представлял Бога, балующегося сигаретами, а впрочем, может быть, его легким ничего не страшно, он ведь уже на небесах. Дым, правда, и поднимался столбом до небес, но это было скорее всего совпадение.

Директриса, сама не своя, третий раз приказывала учителям нас пересчитать и металась по двору, повторяя: «Вы уверены, что все здесь?» Потом ей вдруг вспоминалось чье-то имя, она кричала: «Матье, маленький Матье, где он? А, он здесь!» – и, не успев порадоваться, принималась звать кого-то еще. К счастью, обо мне она не вспомнила, еще не хватало напоминать, что я маленький, тем более накануне выборов.

Там, где рвануло, творилось что-то несусветное. Был слышен треск, все выше вздымались языки пламени за сторожкой, я даже видел, как танцуют на крыше их тени. А перед собой

я вдруг увидел другую тень, тень Ива, как будто она пришла за мной. Тень приближалась, я знал, что она ищет меня, я изо всех сил это чувствовал. Директриса и учителя были заняты подсчетом учеников, на меня никто не обращал внимания, и я пошел к сторожке, куда звала меня тень.

Откуда-то доносился вой сирен, но они были еще далеко. Тень Ива по-прежнему вела меня, я шел прямо к клубам дыма, жар усиливался, идти было все труднее. Но я должен был идти: кажется, я понял, почему тень пришла ко мне.

Я почти добрался до сторожки, когда языки пламени начали лизать крышу. Мне было страшно, но я все равно шел вперед. Вдруг я услышал голос мадам Шеффер, она выкрикивала мое имя и бежала за мной. Бегают мадам Шеффер, прямо скажем, не быстро. Она кричала мне: «Вернись немедленно!» Я бы и рад послушаться, но не мог и шел дальше туда, куда велела тень.

У сторожки жар стал невыносимым; я уже взялся за ручку, но тут рука мадам Шеффер схватила меня за плечо и потянула назад. Она метнула на меня испепеляющий взгляд – это подоходило к случаю, – но я уперся и не отступил. Я смотрел на дверь, глаз не мог от нее оторвать. Учительница тащила меня за руку и грозила головомойкой, но я вырвался и снова кинулся к сторожке. А потом, поняв, что она догоняет меня, высказал ей, что лежало на сердце, – это вырвалось само собой.

– Надо спасти сторожа! Его нет во дворе, он там, в сторожке, задыхается!

Мадам Шеффер сама чуть не задохнулась, когда это услышала. Она велела мне отойти, а сама... Я просто обалдел от того, что она сделала! Она вообще-то худенькая, мадам Шеффер, не то что мама Люка, но так мощно саданула ногой в дверь, что замок не устоял. Мадам Шеффер одна ринулась в сторожку и через две минуты появилась в дверях, волоча за плечи Ива. Я все-таки немного помог ей, пока не подоспел на смену учитель физкультуры, а меня не поймала за штанину директриса, чтобы утащить под навес.

Приехали пожарные. Пожар вскоре потушили, а Ива увезли в больницу. Нас успокоили: он вне опасности.

Директриса – странная какая! – то ругала меня, то со слезами принималась тискать, повторяя, что я спас Ива, что никто о нем не подумал, кроме меня, и что она никогда себе этого не простит. Уж остановилась бы на чем-нибудь одном!

Главный пожарный вызвал меня. Меня одного! Попросил покашлять, вывернул веки, заглянул в рот, осмотрел меня с головы до ног. Потом, крепко хлопнув по спине, сказал, что, если я захочу, когда вырасту, служить в его бригаде, он будет рад принять меня в свои ряды.

И тут я убедился, что моя мама не одна держала связь с директрисой по переговорному устройству: она вбежала во двор с толпой других таких же перепуганных родителей.

Всех отпустили по домам, уроки на сегодня закончились.

В следующую пятницу меня выбрали старостой класса почти единогласно, за вычетом одного голоса: этот болван Маркес проголосовал сам за себя.

Я подошел к Люку после подсчета голосов. Он ничего не сказал, просто улыбнулся. В то утро ему сняли гипс, и он показал мне ногу, уже здоровую, но все же намного тоньше другой.

Через неделю после взрыва цистерны Ив вернулся в школу, такой же, как всегда, только с повязкой на лбу, делавшей его похожим на пирата. Она ему, пожалуй, шла, как будто раньше ему чего-то не хватало. Я не знал, сказать ли ему это, и решил: там будет видно, если однажды представится случай поговорить о пиратах.

На большой перемене я вышел из столовой раньше всех, есть не очень хотелось. Ив в глубине двора смотрел на то, что осталось от его сторожки, – а осталось, надо сказать, немного. Склонившись над кучкой обугленных деревяшек, он осторожно приподнимал их одну за другой. Я пошел было к нему, но он, не оборачиваясь, сказал:

– Не подходи, здесь опасно, можешь пораниться.

Ничего опасного я не видел, но перечить ему не хотелось. Я остановился поодаль; он знал, что я здесь, но сначала не обращал на меня внимания. Интересно, что он искал? Вряд ли что-нибудь могло уцелеть в этих развалинах. Он схватил какую-то прямоугольную штуку, обугленную со всех сторон, и, положив ее на колени, вдруг затрясся всем телом. Кажется, он плакал, и настроение у меня от этого стало чернее обгоревших руин сторожки.

– Я же тебе сказал, не стой здесь!

Я не двинулся с места. Вид у Ива был такой несчастный; хоть он и гнал меня, ясно, что его не следовало оставлять одного. Для того и нужны друзья, верно? Друг умеет угадать, что у человека на душе, пусть даже тот говорит обратное.

Ив обернулся ко мне; глаза у него были красные. Слезы текли по щекам, как чернила по подмоченному чертежу. В руках он держал старую обгоревшую тетрадь.

– Здесь была вся моя жизнь. Фотографии, единственное письмо от мамы, памятки о ней – все было наклеено на эти страницы. Ничего не осталось, только пепел.

Ив попытался открыть тетрадь, но обложка рассыпалась под его пальцами. Я подумал, что правильно сделал, оставшись с ним.

– Ваша голова не сгорела, все это никуда не делось, достаточно вспомнить. Письмо вашей мамы можно переписать, можно даже нарисовать то, что было на фотографиях, разве не так?

Ив улыбнулся. Я, по правде говоря, не видел ничего смешного, но был рад, что вид у него уже не такой несчастный.

– Я знаю, что это ты поднял тревогу, – сказал он мне, выпрямившись. – Когда рванула цистерна, я кинулся в сторожку, чтобы успеть хоть что-нибудь спасти. Огня еще не было, только густой дым заволок все. Я не выдержал в этом аду и пяти минут. Не мог открыть глаза, так их щипало, и не сумел нашарить ручку двери. Воздуха не хватало, я ударился в панику, не смог задержать дыхание и отключился.

Впервые мне рассказывали о пожаре, увиденном изнутри, – это впечатляло.

– А как ты узнал, что я там? – спросил Ив.

Взгляд его стал таким печальным, что мне не захотелось ему врать.

– Она была так важна для вас, эта ваша тетрадь?

– Надо думать, она чуть не стоила мне жизни. Я перед тобой в неоплатном долгу и хочу извиниться. Тогда, на скамейке, когда ты говорил о моем отце, я решил, что ты забрался сюда и порылся в моих вещах. Я никогда никому не рассказывал о моем детстве.

– Я даже не знал о вашей тетради.

– Ты не ответил на мой вопрос: как ты узнал, что я задыхаюсь в сторожке?

Что я мог ему ответить? Что за мной пришла его тень? Что среди хаоса она пробиравась меж других теней по бетону двора – ко мне? Что она подавала мне знаки в свете пламени, умоляя последовать за ней? Какой взрослый бы этому поверил?

Один мой одноклассник из прежней школы заработал год сеансов у психолога за то, что сказал правду. По средам во второй половине дня, когда мы играли в волейбол или плавали в бассейне, он сидел в приемной, а потом рассказывал свою жизнь тетеньке, которая улыбалась и кивала: «Ммм, ммм». Все потому, что однажды, в субботу, его дедушка уснул прямо за обедом – упал на стол, да так больше и не проснулся. С тех пор дедушка навещал моего одноклассника по ночам – видно, хотел извиниться – и продолжал прерванный за обедом разговор. Никто ему не верил; утром, когда он говорил, что видел ночью дедушку, все взрослые смотрели на него с ужасом. Можно представить, что будет со мной, если я расскажу, что общаюсь с тенями. Нет

уж, чем ходить к психологу, лучше соврать, признать свою вину, сказать Иву, что я читал его тетрадь и даже выучил некоторые места наизусть.

Ив не сводил с меня глаз. Я украдкой покосился на школьные часы – до звонка оставалось еще добрых двадцать минут.

– Я увидел, что вас нет во дворе, и мне стало тревожно за вас.

Ив долго молчал. На него напал кашель; отдышавшись, он наклонился ко мне и сказал на ухо:

– Я могу доверить тебе один секрет?

Я кивнул.

– Если однажды будет у тебя что-то на сердце, что-то, о чем не хватает духу рассказать, знай, ты всегда можешь поделиться со мной, я тебя не выдам. А теперь беги, играй с ребятами.

Я чуть было не раскололся. Наверно, мне стало бы легче, поделись я со взрослым, а Иву и правда можно было доверять. Я решил, что подумаю над его предложением вечером, когда лягу спать, и если оно будет казаться мне по-прежнему заманчивым утром, то, может быть, я скажу ему правду.

Я пошел к Люку. Впервые с того момента как с ноги сняли гипс, он играл в баскетбол, но игроком был еще слабым, и ему требовалась поддержка.

С тех пор как взорвалась цистерна, не выдалось ни одного солнечного дня. Стекла в окна вставили, но в классах стоял жуткий холод, и мы сидели на уроках в пальто. Мадам Шеффер в классе не снимала вязаную шапочку, и уроки английского стали гораздо интереснее из-за помпона, который ходил ходуном, стоило ей открыть рот. Мы с Люком прикусывали языки, чтобы не хихикать. В страховой компании разбирались, что произошло, но дело это долгое, – пока директрисе дадут денег на новую цистерну, пройдет зима. Ну и пусть, зато мадам Шеффер вела уроки в шапочке с помпоном.

Мои отношения с Маркесом тоже были ледяными. Каждый раз, когда учителя посылали меня за бумагами в секретариат – эта миссия всегда поручается старосте, – я чувствовал, как за моей спиной свистят стрелы. После того как мне случилось во сне побывать у него дома, я не держал на него зла и его насмешки стали мне безразличны. Мама сказала, что в следующую субботу папа заберет меня на весь день, и ни о чем другом я думать не мог. Я был счастлив, но тревожился за маму. Меня мучила мысль о том, что она будет скучать целый день без меня, и я чувствовал себя виноватым, что брошу ее одну.

Наверно, моя мама тоже умеет читать мысли, от которых плохо, – по крайней мере мои; в этот вечер она вошла ко мне в комнату, когда я уже гасил свет, присела на кровать и подробно рассказала, что станет делать, пока я буду с отцом. В мое отсутствие она собиралась пойти в парикмахерскую. Она говорила об этом так радостно, что я удивился, ведь для меня поход в парикмахерскую – это скорее наказание.

Теперь, когда я был спокоен за маму, чем меньше оставалось до конца недели, тем труднее мне было сосредоточиться на уроках. Я все время думал о том, как мы с папой проведем день. Может быть, мы сходим в пиццерию, как бывало, когда мы еще жили вместе. Надо взять себя в руки, еще только четверг, не хватало заработать наказание!

В пятницу мне казалось, что в часе стало больше минут, чем обычно. Как при переходе на зимнее время, когда к суткам прибавляется час. В этот день я переходил на зимнее время каждые шестьдесят минут. Стрелка часов над классной доской ползла медленно, так медленно, будто Бог мухлевал и первая перемена началась тогда, когда должна была начаться последняя. Да, весь день я был уверен, что нас всех обдурили.

Я сделал уроки – мама была тому свидетелем – и, почистив зубы, лег на час раньше обычного. Я хотел быть в форме назавтра, хоть и знал, что вряд ли усну. Сон все же пришел, но проснулся я очень рано.

Я встал, тихонько умылся и спустился на цыпочках в кухню приготовить маме завтрак – хоть так я мог извиниться за то, что оставляю ее на целый день одну. Потом я поднялся к себе одеться. Надел фланелевые брюки и белую рубашку, в которой провожал дедушку моего одноклассника на кладбище, где никто больше не помешает ему спать. На кладбищах всегда так спокойно.

Я вырос с прошлого года, ненамного, но из-под брюк были видны носки. Мне хотелось надеть галстук, который купил мне папа, – мой первый галстук, как он сказал, когда дарил его мне, – но я не сумел завязать узел и просто намотал его на шею как шарф. Ладно, папе все равно будет приятно, да к тому же так я смахивал на поэта. Я видел фото Бодлера в учебнике по французскому, он тоже не умел как следует завязывать галстук, а между тем женщины были от него без ума. Блейзер стал мне чуточку тесноват, но выглядел я очень элегантно. Хорошо бы прогуляться с папой по рыночной площади. Если повезет, мы можем встретить Элизабет, когда она пойдет со своей мамой за покупками.

Посмотревшись в зеркало в родительской ванной, я спустился в гостиную и стал ждать.

Мы не пошли на рыночную площадь. Папа не приехал. Он позвонил в полдень, чтобы извиниться. Извинялся он перед мамой: я не захотел с ним разговаривать. Мама расстроилась, кажется, еще больше, чем я. Она предложила пойти вдвоем в ресторан, но мне расхотелось есть. Я переоделся и убрал галстук в шкаф. Хоть бы не слишком вырасти в ближайшие месяцы, чтобы, если папа все-таки за мной приедет, мой выходной костюм еще был мне впору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.